

же долго продолжается и возрождение. Наши молодые и старые "старички" въ национальномъ вопросѣ любятъ указывать на то, что старый баринъ великъ, но забывать, что угнетенныхъ имъ народовъ была ровно половина, а затѣмъ разительнѣе приведенный примѣръ коммунистовъ, которыхъ 2 милліона, а владѣютъ страной въ 150 милліоновъ.

Идея національнаго возрожденія и ея самоопредѣленія должны складываться исходя изъ национальныхъ интересовъ политическихъ, экономическихъ и военныхъ, а такюве диктуютъ, какъ съ калмыцкій народъ самоопредѣлился въ свободной федерации со своими ближайшими сосѣдями, его окружающими, братьями казаками, въ видѣ юго-восточнаго федеративнаго союза. Дальнѣйшей участи не дано намъ знать, но если взаимные интересы диктуютъ этотъ союзъ можетъ какъ одно цѣлое, какъ равнымъ съ равнымъ, самовольно федерироваться и съ другими сосѣдями и не-сосѣдями. Такъ представляется намъ будущее нашего народа.

Ахметъ-Зеки Валиди /Валидовъ/ .

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРВЫХЪ БАШКИРСКИХЪ ПОЛКОВЪ ВЪ 1918 ГОДУ.

Башкиры издавна отличались склонностью къ военной службѣ.

Съ раннихъ годовъ занятія края русскими башкиры были привлечены на службу. До упраздненія башкирскаго раиѣ въ 1863 году русское правительство сильно считалось съ башкирцами, какъ съ организованной военной силой и признавало за ними право на самоуправленіе. Поэтому башкиры и впоследствии добивались возстановленія "башкирскаго раиѣ" и послѣ революціи 1917 года на первомъ всебашкирскомъ съѣздѣ /22-го іюля 1917 г./, какъ первый этапъ къ осуществленію автономной Малой Башкиріи было постановлено немедленно выдѣлить башкирскихъ воиновъ въ общерусской арміи въ особыя башкирскія части. Башкирскій областной совѣтъ въ моментъ объявленія Башкиріи автономной /15-го ноября 1917 г./ одновременно съ организаціей милиціи въ кантонахъ /провинціяхъ/ приступилъ къ формированію коннаго полка въ селеніи Баймакъ. Но когда большевики, занявшіе /15-го января 1918 г./ Оренбургъ, нашли нужнымъ ликвидировать автономное управленіе Башкиріи, арестовали /2-го февраля/ членовъ башкирскаго правительства, какъ разъ стремящагося установить съ совѣтами условія мирнаго сотрудничества, - они же, большевики, прежде чѣмъ вѣсть объ арестахъ въ Оренбургѣ дошла до башкирскаго полка въ Баймакѣ, явившись въ это селеніе, пригласили организаторовъ полка, офицеровъ Магазова и Идильбаева, къ себѣ "на совѣщаніе" и тутъ же предательски расстрѣляли, а солдатъ башкиръ распустили по домамъ. Эти событія дали поводъ башкирамъ искать справедливости въ оружіи. Членамъ правительства, въ томъ числѣ и мнѣ, удалось бѣжать изъ тюрьмы, пользуясь налетомъ казаковъ и нѣкоторыхъ башкиръ на Оренбургъ /4-го апрѣля 1918 г./.

Въ апрѣлѣ и маѣ я и еще офицеръ, эмиръ Карамышевъ, занимались подготовкой возстанія башкиръ Верхнеуральскаго, Троицкаго и Челябинскаго уѣздовъ, гдѣ у насъ были кадры гражданской милиціи, посылали делегатовъ къ Оренбургскимъ казакамъ и киргизамъ, назначили съѣздъ башкирскихъ общественныхъ дѣятелей въ гор. Кустанаѣ. И какъ разъ въ то время, когда я находился въ восточной части Челябинскаго уѣзда, совершенно неожиданно для насъ, вспыхнуло возстаніе чехословацкихъ частей на Уралѣ и въ Сибири. Тотчасъ же /кажется 4-го іюня/ обратился я съ письмомъ къ "начальнику чехословацкаго эшелона въ Челябинскѣ" съ предложеніемъ мобилизаціи башкиръ и формированія арміи для совместныхъ дѣйствій противъ большевиковъ. Явившись черезъ два-три дня лично въ Челябинскъ, я вмѣсто "начальника эшелона" нашель "предсѣдателя чехословацкаго національнаго совѣта", именно Г-на Богдана Павлу, который несмотря на то, что я, какъ скрывающійся отъ боль-

шеви́ковъ, явился къ нему въ одеждѣ деревенскаго башкирца, принялъ меня и наши условія /признаніе нашей автономіи/ съ неожиданной для меня большою готовностью и безо всякаго предрасудка.

Тотчасъ-же я и мои товарищи объявили наше правительство вновь функционирующимъ, учредили войсковое управление и первымъ дѣломъ заказали печати, какъ для вѣдомства Правительства, Войскового управления, такъ и для I, II стрѣлковыхъ, I и II кавалерійскихъ полковъ, I башкирскаго стрѣлковаго дивизиона, I кавалерійской бригады, и къ 10-му іюня объявили мобилизацію пяти возрастовъ башкиръ Челябинскаго уѣзда. Многие изъ моихъ товарищей еще не вѣрили въ успѣхъ нашей мобилизаціи, не вѣрили въ авторитетъ нашего Центрального Комитета, въ силу нашихъ "печатей", составлявшихъ тогда единственный "аппаратъ" Правительства; считали безуміемъ наши планы формировація стрѣлковаго дивизиона и кавалерійской бригады, когда у насъ нѣтъ ни оружія и ни копѣйки денегъ. Но воѣ призванныя волости явились по зову Правительства безъ исключенія и замедленія; сборъ налоговъ и другія государственныя земскія повинности исполнялись населеніемъ весьма охотно. Изъ призванныхъ еще не совсемъ освобожденныхъ волостей Челябинскаго уѣзда /Аргаяшевской и Мухамедкульской/ были сформированы уже на мѣстѣ первый баталіонъ I-го стрѣлковаго полка, вооруженный винтовками, отбитыми у противника. Этотъ же баталіонъ выѣхалъ съ чехословаками освободить и другія башкирскія волости на линіи Челябинскъ-Екатеринбургъ /Буриная, Кундулакская и Карабулакская волости/, изъ которыхъ комплектовался II-ой баталіонъ того-же полка. Для призванныхъ другихъ волостей сборнымъ пунктомъ былъ назначенъ гор. Челябинскъ, гдѣ изъ нихъ формировались 3-ій баталіонъ I-го стрѣлковаго полка /командиръ шт. кап. Туймакаевъ/ и II-ой башкирскій стрѣлковый полкъ /командиръ поручикъ Габитовъ/. Въ Тамьянъ-Тангаурскомъ кантонѣ, образованномъ изъ башкирскихъ волостей Верхнеуральскаго и Троицкаго уѣздовъ, ввиду отсутствія оружія ограничились привлеченіемъ добровольцевъ въ отрядъ мѣстной кантонной милиціи; но въ іюль намъ удалось отбить оружіе у красной гвардіи отряда Каширинныхъ, пользуясь этимъ мы объявили мобилизацію башкиръ Златоустовскаго и восточной части Уфимскаго уѣздовъ, изъ которыхъ въ Златоустѣ былъ сформированъ 3-ій башкирскій стрѣлковый полкъ /командиръ - поручикъ Тагановъ/, потомъ дѣйствовавшій въ отрядѣ Каппеля. Къ 1-му августа закончилась организація почти воѣхъ вѣдомствъ башкирскаго правительства, войскового управления, они разрослись такъ, что нельзя было имъ помѣститься въ маленькомъ городкѣ Челябинскѣ, гдѣ и безъ того было тѣсно и наше правитель-ство переехало въ Оренбургъ. Здѣсь уже до прибытія правительства были мобилизованы башкиры Кипчакскаго, Бураянскаго и Юматинскаго кантоновъ, изъ которыхъ формировались II-ой башкирскій кавалерійскій полкъ /командиръ - гор. Ахмедъ Вишевъ/, IV-ый /командиръ - шт. кап. Незаутдиновъ/ и VI-ой /командиръ - пор. Османъ Терегуловъ/ стрѣлковые полки, отличо дѣйствовавшие на Орскомъ, Актюбинскомъ /а потомъ и на Бузулукскомъ/ фронтахъ. Въ октябрѣ у насъ было уже 6 стрѣлковыхъ и 2 кавалерійскихъ полка, составлявшихъ I-ую и II-ую стрѣлковыя дивизионы и I-ую кавалерійскую бригаду, руководимыя башкирскимъ войсковымъ управленіемъ. Мы добивались объединенія ихъ командованія на фронтахъ, свѣдя ихъ въ отдѣльный башкирскій корпусъ, командиромъ котораго былъ назначенъ старый башкирскій генералъ Ижбулатовъ. На этомъ мы настаивали, т. к. хорошо знали изъ опыта старой башкирскаго арміи, а потомъ, послѣ 1873 года, изъ условій жизни солдатъ-башкиръ въ русскихъ частяхъ, что несведенныя въ большія единицы башкирскія части всегда злоупотреблялись на фронтахъ; можно только сослаться на слова генерала Кириллова /середина XVIII вѣка/ о башкирскихъ частяхъ, дѣйствовавшихъ на западныхъ фронтахъ Россіи, что башкирскія части, каждую въ отдѣльности, нужно продвигать впереди русскихъ частей для того, чтобы или они побили врага, или сами были истреблены, - и то и другое въ нашу пользу. И въ 1918 году башкиры хорошо знали, что или имъ дѣйствовать на фронтахъ въ качествѣ отдѣльнаго башкирскаго корпуса, дивизиона или бригады, или же совсемъ слиться съ русскими частями, не формируясь даже въ отдѣльныя роты. Но осуществленію этого мѣшало высшее русское командованіе и только 5-го декабря я взялъ

I/ въ текстѣ пропущено "Усерганскаго".

на себя командование башкирскими войсками, сосредоточенными уже на территории Южной Башкирии.

Здѣсь надо указать на наши взаимоотношенія съ русскими генералами. Въ Челябинскѣ насъ всегда поддерживали только чехословаки и отчасти сибирскій генералъ Гришинъ-Алмазовъ. Въ Оренбургѣ мы хотя и находились въ хорошихъ отношеніяхъ съ оренбургскою казачьею массою и нѣкоторыми группами офицерства /напр. атаманомъ Каргинымъ, полковникомъ Махинымъ, отчасти генераломъ Акулинымъ и полковникомъ Богдановымъ/, съ нѣкоторыми группами эсеровъ, но отъ правящихъ генераловъ должны были все больше и больше терпѣть. Верховный Главнокомандующій генералъ Болдыревъ и начальникъ его штаба, генералъ Розановъ, поддавшись интригамъ генерала Дутова, старались расформировать наши дивизіи и башкирскій корпусъ и, отдавъ объ этомъ свои приказы отъ 16-го и 19-го октября, фактически лишили нѣкоторыя башкирскія части возможности соединиться съ основными башкирскими частями. Башкирское правительство рѣшило на это апеллировать къ чехословацкому высшему командованію, но подробныя депешы, посланныя въ Челябинскъ генералу Чечеку и главному Сыровому, были задержаны. Генералъ Дутовъ потомъ еще своими доносами на насъ генералу Болдыреву добился приказа отъ 21-го октября объ аннулированіи башкирской автономіи и упраздненіи всѣхъ башкирскихъ гражданскихъ учрежденій. Полный переходъ отъ демократизма и лозунга Учредительнаго Собранія къ диктатурѣ адмирала Колчака привелъ къ принятію болѣе рѣшительныхъ мѣръ по ликвидаціи башкирскихъ частей. Приказомъ отъ 25-го ноября было прекращено снабженіе патронами и довольствіемъ даже частей, дѣйствовавшихъ на фронтахъ. Чехословаки, сами испытанные на своей спинѣ иго великодержавнаго народа, и то не могли объяснить эту глупую близорукость правящихъ генераловъ. Когда начальникъ гарнизона гор. Челябинска, полковникъ Сорочинскій, уже въ самомъ началѣ нашихъ формированій отказывалъ отводить намъ пустовавшія казармы, отказывалъ въ отпускѣ продовольствія, председатель Чехословацкаго Национальнаго Совѣта Богданъ Павлу въ присутствіи командира нашего 1-го стрѣлковаго полка Туймакаева высказывалъ свое удивленіе, какъ русскій офицеръ можетъ только изъ-за великодержавности отказать народу, добровольно организующемуся въ полки, когда сами русскіе генералы, организующіе большіе штабы дивизій, корпусовъ и армій, не могутъ сформировать изъ русскихъ крестьянъ даже одного баталіона. Когда въ ноябрѣ и декабрѣ 1918 года и въ январѣ 1919 года башкирское войско должно было только одно отражать натиски красной арміи на цѣлыхъ 250 верстъ отъ Оренбурга до Стерлитамака-Табьянская, когда всѣ крестьянскія части переходили къ большевикамъ, генералы Дутовъ и Колчакъ только изъ-за того, что мы не подчинились ихъ приказамъ и не признавали ихъ власти, заняли по отношенію насъ совершенно враждебную позицію.

Несмотря на все это, нашъ народъ еще нѣсколько мѣсяцевъ содержалъ нашу армію на свои средства.

Нормальныя войсковыя формированія 1919 года, несмотря на всѣ тѣ испытанія, которыя башкирская армія выносила какъ при генералахъ, такъ и впоследствии при большевикахъ, имѣютъ огромное значеніе въ исторіи національно-освободительнаго движенія не только башкиръ, но и киргизовъ, тоже приступившихъ тогда къ формированію своихъ частей; теперь всѣ башкирскіе дѣятели отлично понимаютъ, что если бы возстанія 1918 года не были возглавлены чехословаками, то трудно было бы намъ преодолѣть попытки русскихъ генераловъ задуть въ самомъ началѣ всякія наши начинанія.

